

~ БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХ ~
СОЧИНЕНИЙ

Артур
Шопенгауэр

Наша личность – первое условие счастья

МИР КАК ВОЛЯ
И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
АФОРИЗМЫ
ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ
ЭРИСТИКА,
ИЛИ ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ
В СПОРАХ

МОСКВА
2019

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Ш79

Оригинал-макет подготовлен
издательским центром «НОУФАН»
nofunpublishing.com
valery@nofunpublishing.com
+7 (903) 215-68-69

Шопенгауэр, Артур.

Ш79 Мир как воля и представление. Афоризмы житейской мудрости. Эристика, или Искусство побеждать в спорах : [перевод с немецкого] / Артур Шопенгауэр. – Москва : Эксмо, 2019. – 560 с. – (Библиотека избранных сочинений).

ISBN 978-5-699-85357-1

Артур Шопенгауэр – немецкий философ-иррационалист, яркий представитель постклассической философии XIX века. Учение Шопенгауэра часто называют «пессимистической философией». Считал человеческую жизнь бессмысленной, а существующий мир — «наихудшим из возможных миров». Мир по Шопенгауэру — это «арена, усыпанная угольями», через которую человеку предстоит пройти. Движущая сила всего — воля к жизни, порождающая желания. Но даже если желания удовлетворены, человек не способен испытывать счастье, вместо этого его ждут пресыщение и скука, а затем новые желания и страдания.

В настоящем издании собраны самые значимые и популярные труды философа: «Мир как воля и представление», «Афоризмы житейской мудрости» и «Эристика, или Искусство побеждать в спорах». Философские трактаты как нельзя лучше отражают философскую позицию автора и дарят читателю возможность оценить творческое наследие Шопенгауэра.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-699-85357-1

© ИП Сирота Э. Л. Текст и оформление, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Содержание

Вопросы,
на которые дает ответ эта книга5

Артур Шопенгауэр: пессимизм и воля7

Мир как воля и представление9

Афоризмы житейской мудрости 255

Эристика,
или Искусство побеждать в спорах 509

Артур Шопенгауэр.
Избранные афоризмы 557

Артур Шопенгауэр
1788-1860

Вопросы, на которые дает ответ эта книга

КАК МЫ ВОСПРИНИМАЕМ МИР?

«Мир есть мое представление»: истина, которая имеет силу для каждого живого и познающего существа, хотя только человек может возводить ее до рефлексивно-абстрактного сознания. Стр. 19.

ЧТО ЕСТЬ ВОЛЯ?

До сих пор понятие воли подводили под понятие силы, я же поступаю как раз наоборот и каждую силу в природе хочу понять как волю. Стр. 176.

В ЧЕМ ГЛАВНОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ЖИВОТНЫМИ И ЧЕЛОВЕКОМ?

Только один класс представлений — понятия — на земле составляют достояние одного лишь человека, и его способность к ним, отличающая его от всех животных, искони называется разумом. Стр. 25.

КОГДА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЕЗНА, А КОГДА ВРЕДНА?

Мускулы крепнут, когда ими много пользуются, — нервы, напротив, слабеют при этом. Поэтому упражняйте свои мускулы всякой посильной для них работой, нервы же оберегайте от всякого напряжения. Стр. 433.

ОТНОШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ. КАК ОНИ СКЛАДЫВАЮТСЯ?

Всякое общество предполагает обоюдное приспособление и уступки; по этой причине чем оно больше, тем оно

становится безличнее. Всецело быть самим собой человек может лишь до тех пор, пока он один; ибо лишь в одиночестве бываем мы свободны. Стр. 401.

ЧЕСТЬ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Честь — это, объективно, мнение других о нашем достоинстве, а субъективно — наш страх перед этим мнением. Стр. 321.

В ЧЕМ РАЗНИЦА МЕЖДУ ГЛУЦОМ И МУДРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ?

Глупец гонится за наслаждениями жизни и приходит к разочарованию; мудрый старается избежать бед. Стр. 383.

ИЗ ЧЕГО СКЛАДЫВАЕТСЯ «ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ»?

Важный пункт житейской мудрости состоит в правильном распределении нашего внимания между настоящим и будущим, чтобы ни одно из них не вредило другому. Стр. 394.

КАКОВЫ ГЛАВНЫЕ УСЛОВИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ?

Для нашего благополучия самое существенное — здоровье, а затем средства к существованию, то есть жизнь, свободная от забот. Почести, блеск, ранг, слава не могут ни конкурировать с этими сущностными благами, ни заменить их. Стр. 311.

ЕСТЬ ЛИ ПРАВИЛА У СЧАСТЬЯ?

Всякое счастье основано на отношении между нашими притязаниями и тем, чего мы достигаем. Стр. 146.

КТО ПОБЕЖДАЕТ В ДИСКУССИЯХ?

Одержит победу в споре всегда тот, кто от природы одарен остроумием и быстрой смекалкой, а не тот, кто отличен воучил правила диалектики. Стр. 549.

Артур Шопенгауэр: пессимизм и воля

В XIX веке в философии Европы, сотрясаемой войнами и революциями, утверждались мотивы иррационализма — концепции, отвергавшей возможность разумного, рационального постижения мира. В условиях социального и духовного кризиса люди закономерно начинали сомневаться в силе рассудка и логики (может ли человек, наделенный светлой силой разума, превращать в хаос мир вокруг себя?). И на первый план выходят философские системы, предлагавшие познавать окружающее при помощи интуиции, веры, откровения.

В истории иррационализма XIX столетия видное место занимает философия Артура Шопенгауэра (1788–1860) — мизантропа и индивидуалиста, высказывавшего уверенность, что мы, люди, имеем несчастье жить в наихудшем из возможных миров. «Философом пессимизма» прозвали его впоследствии, не отрицая, впрочем, огромного влияния идей Шопенгауэра не только на мировую философию, но и на искусство и науку. Произведениям немецкого мыслителя отдавали должное Лев Толстой, называвший Шопенгауэра «гениальнейшим из людей», и Фридрих Ницше, Альберт Эйнштейн и Рихард Вагнер, Карл Юнг и Хорхе Луис Борхес.

А сегодня знакомство с обширным наследием Артура Шопенгауэра предстоит вам! В предлагаемом издании — несколько наиболее значимых его работ. К ним, безусловно, относится «Мир как воля и представление» (здесь представлены книги 1 и 2). Философ дополнял, углублял, дорабатывал свое произведение практически всю жизнь. Что движет миром? — спрашивает он читателя и отвечает: воля. То, что проявляется в борьбе за существование, в конфликтах, войнах

и духовном поиске, в сомнениях и желаниях каждого из нас. Попытаться упорядочить хаос при помощи разума и логики бесполезно. Так можно ли уменьшить страдание, сделать человека чуть более счастливым, несмотря на одержимость Волей? Да, отвечает Шопенгауэр, можно. В первую очередь следует учиться отрешению от страстей и желаний: не зря немецкий мыслитель интересовался буддизмом... Хорошим способом будет творчество — не продуманное и запланированное, а основанное на прозрении, инстинкте, ассоциации.

Эти идеи получили развитие и в другом известном произведении — «Афоризмы житейской мудрости», в котором философ также раскрывает свою точку зрения относительно жизни в обществе, воспитания, взаимоотношения полов... И, наконец, завершает подборку «Эристика, или искусство побеждать в спорах» — Шопенгауэр заботится не только о том, чтобы представить читателю свою точку зрения, но и считает необходимым научить его защищать собственную.

Так насколько справедливо мнение об Артуре Шопенгауэре как о воинствующем индивидуалисте и едва ли не человеконенавистнике? Возможно, он просто считал своим долгом подсказать другим путь к самосовершенствованию — так, как умел и как считал нужным. Ведь, как сказал он однажды, «даже Сократ, мудрейший из людей, нуждался в предостерегающем демоне...»

**МИР
КАК ВОЛЯ
И
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

Книга первая О мире как представлении¹

Предисловие к первому изданию

Я хочу объяснить здесь, как следует читать эту книгу, для того чтобы она была возможно лучше понята. То, что она должна сообщить, заключается в одной единственной мысли. И тем не менее, несмотря на все свои усилия, я не мог найти для ее изложения более короткого пути, чем вся эта книга.

Я считаю эту мысль тем, что очень долго было предметом исканий под именем философии, что именно поэтому людьми исторически образованными было признано столь же невозможно найти, как и философский камень, хотя уже Плиний сказал им: «Сколь многое считают невозможным, пока оно не осуществится».

Смотря по тому, с какой из различных сторон рассматривать эту единую мысль, она оказывается и тем, что называли метафизикой, и тем, что называли этикой, и тем, что называли эстетикой. И, конечно, она должна «быть всем этим», если только она действительно есть то, за что я ее выдаю.

Система мыслей должна постоянно иметь связь *архитектоническую*, то есть такую, где одна часть всегда поддерживает другую,

¹ Книга первая из труда «Мир как воля и представление» (Die Welt als Wille und Vorstellung), пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда.

но не поддерживается ею, где краеугольный камень поддерживает, наконец, все части, сам не поддерживаемый ими, и где вершина поддерживается сама, не поддерживая ничего. Наоборот, *единственная мысль*, как бы ни был значителен ее объем, должна сохранить совершенное единство. Если, тем не менее, в целях передачи она допускает разделение на части, то связь этих частей все-таки должна быть *органической*, то есть такой, где каждая часть настолько же поддерживает целое, насколько она сама поддерживается им, где ни одна не первая и не последняя, где вся мысль от каждой части выигрывает в ясности и даже самая малая часть не может быть вполне понята, если заранее не понято целое. Между тем книга должна иметь первую и последнюю строку, и потому в этом отношении она всегда остается очень непохожей на организм, как бы ни походило на него ее содержание: между формой и материей здесь, таким образом, будет противоречие.

Отсюда ясно, что при таких условиях для проникновения в изложенную мысль нет иного пути, как прочесть эту книгу два раза, и притом в первый раз с большим терпением, которое можно почерпнуть только из благосклонного доверия, что начало почти так же предполагает конец, как конец — начало, и каждая предыдущая часть почти так же предполагает последующую, как последующая — первую. Я говорю «почти», ибо вполне так дело не обстоит, но честно и добросовестно сделано все возможное для того, чтобы сначала изложить то, что менее всего объясняется лишь из последующего, как и вообще сделано все, что может способствовать предельной отчетливости и внятности. До известной степени это могло бы и удалиться, если бы читатель во время чтения думал только о сказанном в каждом отдельном месте, а не думал (что очень естественно) и о возможных оттуда выводах, благодаря чему, кроме множества действительно существующих противоречий мнениям современности и, вероятно, самого читателя, приходят еще много других, предвзятых и воображаемых.

В результате возникает страстное неодобрение там, где пока есть только неверное понимание, тем менее признаваемое, однако, в качестве такового, что обретенная с трудом ясность слога и точность выражения хотя и не оставляют сомнений в непосредственном смысле сказанного, но не могут одновременно обозначить и его отношений ко всему остальному. Поэтому, как я уже сказал, первое чтение требует терпения, почерпнутого из доверия к тому, что во второй раз многое или всё покажется совершенно в ином свете. Кроме того, серьезная забота о полной и даже легкой понятности при очень трудном предмете должна служить извинением, если кое-где встретится повторение. Уже самый строй целого — органический, а не похожий на звенья цепи — заставлял иной раз касаться одного и того же места дважды. Именно этот строй, а также очень тесная взаимосвязь всех частей не позволили мне провести столь ценимое мною разделение на главы и параграфы и принудили меня ограничиться четырьмя главными разделами — как бы четырьмя точками зрения на одну мысль. Однако в каждой из этих четырех книг надо особенно остерегаться, чтобы из-за обсуждаемых по необходимости деталей не потерять из виду главной мысли, к которой они принадлежат, и последовательного хода всего изложения. Вот первое и, подобно следующим, неизбежное требование, предъявляемое неблагосклонному читателю (неблагосклонному к философу, потому что читатель сам — философ).

Второе требование состоит в том, чтобы до этой книги было прочитано введение к ней, хотя оно и не находится в ней самой, а появилось пятью годами раньше, под заглавием «О четверояком корне закона достаточного основания. Философский трактат». Без знакомства с этим введением и пропедевтикой²

² Пропедевтика — предварительное обучение, вводный курс. — *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

решительно невозможно правильно понять настоящее сочинение, и содержание названного трактата настолько предполагается здесь повсюду, как если бы он находился в самой книге. Впрочем, если бы он не появился раньше ее на несколько лет, он не открывал бы моего главного произведения в качестве вступления, а был бы органически введен в его первую книгу, которая теперь, поскольку в ней отсутствует сказанное в трактате, являет известное несовершенство уже этим пробелом и постоянно должна восполнять его ссылками на упомянутый трактат. Однако списывать у самого себя или кропотливо пересказывать еще раз уже высказанное однажды мне было бы столь противно, что я предпочел этот путь, несмотря даже на то, что теперь я мог бы лучше изложить содержание своего раннего трактата и очистить его от некоторых понятий, вытекающих из моего тогдашнего чрезмерного увлечения кантовской философией, каковы, например, категории, внешнее и внутреннее чувство и так далее. Впрочем, и там эти понятия находятся еще только потому, что я до тех пор, собственно, никогда не погружался глубоко в работу над ними. Поэтому они играют побочную роль и совсем не касаются главного предмета, так что исправление таких мест в упомянутом трактате совершится в мыслях читателя само собой благодаря знакомству с «Миром как волей и представлением». Но только в том случае, если из моего трактата «О четверояком корне» будет вполне понятно, что такое закон основания и что он означает, на что распространяется и на что не распространяется его сила; если будет понято, что этот закон не существует прежде всех вещей и что весь мир не является лишь вследствие и в силу него, словно его королярий³, и что, наоборот, закон основания не более, чем форма,

³ Здесь — необходимое, само собой разумеющееся следствие чего-либо.

в которой всюду узнается постоянно обусловленный субъектом объект, какого бы рода он ни был, поскольку субъект служит познающим индивидом, — только в этом случае можно будет приступить к впервые испробованному здесь методу философствования, совершенно отличному от всех существовавших доселе.

То же самое отвращение к буквальному списыванию у самого себя или же пересказу прежнего другими и худшими словами — ибо лучшие я сам у себя предвосхитил, — обусловило и другой пробел в первой книге этого произведения, а именно, я опустил все то, что сказано в первой главе моего трактата «О зрении и цвете» и что иначе дословно было бы приведено здесь. Следовательно, здесь предполагается также знакомство и с этим прежним небольшим сочинением.

Наконец, третье требование к читателю могло бы даже безмолвно подразумеваться само собою, ибо это не что иное, как знакомство с самым важным явлением, какое только знает философия в течение двух тысячелетий и которое так близко к нам: я имею в виду главные произведения Канта⁴. Влияние, оказываемое ими на ум того, кто их действительно воспринимает, можно сравнить, как это уже и делали, со снятием катаракты у больного. И если продолжить это сравнение, то мой замысел надо охарактеризовать так: я хотел вручить очки тем, для кого названная операция была удачна, так что сама она составляет необходимое условие для пользования ими. Хотя поэтому исходным моим пунктом и служит всецело то, что высказал великий Кант, но именно серьезное изучение его творений позволило мне найти в них значительные ошибки, которые я должен был вычлени-

⁴ «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

и отвергнуть, для того чтобы очищенное от них его учение могло служить мне основой и опорой во всей своей истине и красоте. Но чтобы не прерывать и не запутывать своего изложения частной полемикой против Канта, я вынес ее в специальное приложение⁵. И насколько, согласно сказанному, моя книга предполагает знакомство с философией Канта, настолько же требует она знакомства и с этим приложением. Поэтому можно было бы посоветовать прочесть сначала приложение, тем более что по своему содержанию оно тесно примыкает именно к первому отделу настоящего труда. С другой стороны, по самому существу предмета нельзя было избегнуть и того, чтобы и приложение подчас не ссылалось на само произведение. Отсюда следует только то, что и приложение, как и главная часть книги, должны быть прочитаны дважды.

Таким образом, философия Канта — единственная, основательное знакомство с которой предполагается в настоящем изложении. Но если, кроме того, читатель провел еще некоторое время в школе божественного Платона⁶, то он тем лучше будет подготовлен и восприимчив к моей речи. А если он испытал еще благодетельное воздействие Вед⁷, доступ к которым, открытый Упанишадами⁸, является в моих глазах величайшим преимуществом, каким отмечено наше юное еще столетие⁹ сравнительно с предыдущими, — ибо я убежден, что влияние санскритской литературы будет не менее

⁵ В настоящее издание не вошло.

⁶ Платон (428/427–348/347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

⁷ Веды — памятники древнеиндийской литературы (конец второго — начало первого тысячелетия до н. э.).

⁸ Упанишады — заключительная часть вед, основа всех религиозных и философских систем Индии.

⁹ XIX век.